

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ П.
1827 г. — 1851 г.

ИЗДАНИЕ
Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1879

ЛИТЕРАТУРНІЕ

КРИТИЧЕСКІЕ И БІОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

ТОМЪ II.

1827 г. — 1851 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 2 л., 7.

—
1879

XLII.

МОЯ ИСПОВѢДЬ ¹⁾.

1829.

Обращая вниманіе на мое положеніе въ обществѣ, вижу, что оно въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ показаться непріязненнымъ въ виду правительства; допрашивая себя, испытывая свою совѣсть, свои дѣла, вижу, что настоящее мое положеніе не естественно, мало мнѣ сродно, что оно болѣе насильственно, что меня, такъ сказать, втѣснили въ него современныя событія, частныя обстоятельства, постороннія лица и, наконецъ, само правительство, которое, приписавъ мнѣ непріязненныя чувства къ себѣ, однимъ предположеніемъ уже облекло въ сущность и дѣло то, что, можетъ быть, никогда не существовало. Какъ-бы то ни было, но нынѣшнее мое невыгодное положеніе есть болѣе слѣдствіе того, что нѣкогда было, нежели непосредственное слѣдствіе того, что есть и быть не переставало. Отдавъ отчетъ въ нѣкоторыхъ эпохахъ моей жизни, въ нѣкоторыхъ свойствахъ моего характера, исповѣдавъ откровенно образъ мыслей и чувствъ моихъ, я, можетъ быть, успѣю разувѣрить тѣхъ, которые судятъ меня болѣе по предубѣжденіямъ и даннымъ, недоброжелательствомъ обо мнѣ доставленнымъ, нежели по собственнымъ моимъ дѣламъ. Въ сей надеждѣ рѣшилъ я составить о себѣ записку, и передаю ее безпристрастію моихъ судей.

До 1817 года былъ я не замѣченъ правительствомъ. Темная служба, пребываніе въ Москвѣ хранили меня въ неизвѣстности.

---

¹⁾ Въ письмѣ отъ 10 января 1829 года, Князь П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Я дописываю свою *Исповѣдь* надѣюсь доставить ее тебѣ дней черезъ пять, или шесть. Скучно переписывать“. Изъ письма Князя Вяземскаго отъ 19 февраля изъ Тамбова, мы видимъ, что *Исповѣдь* эта была уже отправлена къ Жуковскому.

Въ то время не было еще хода на слово либераль, и потому мои тогдашнія шутки, эпиграммы пропадали такъ же невинно, какъ и невинно были распускаемы. Приѣздъ въ Москву Н. Н. Новосильцова перемѣнилъ судьбу мою. По нѣкоторымъ благороднымъ преданіямъ о прежней службѣ его, я уважалъ Новосильцова. Между тѣмъ мнѣ всегда казалось, что не могу служить съ удовольствіемъ иначе, какъ подъ начальствомъ человѣка просвѣщеннаго, образованнаго и лично мною уважаемаго; потому, остававшись въ долгомъ бездѣйствіи, я сталъ искать случая служить при Новосильцовѣ. Въ этой въскательности, въ этомъ такъ сказать романическомъ своенравіи, заключается вѣроятно одна изъ причинъ главныхъ моихъ неудовольствій. Не видя на поприщѣ властей человѣка, которому могъ бы я предаться совѣстію и умомъ, послѣ ошибки своей и разрыва съ службой подъ начальствомъ Новосильцова, я пребывалъ всегда въ нерѣшимости и не вступалъ въ службу, хотя многія обстоятельства и благопріятствовали моему вступленію. Я былъ определенъ къ Новосильцову и приѣхалъ въ Варшаву, вскорѣ послѣ Государя Императора. Открылся сеймъ. На меня былъ возложенъ переводъ рѣчи, произнесенной Государемъ. Государь, увидѣвшись со мною на обѣдѣ у Н. Н. Новосильцова, благодарилъ меня за переводъ. Съ того времени Императоръ при многихъ случаяхъ изъявлялъ мнѣ лично признаки своего благоволенія. Вступленіе мое такъ сказать въ новую сферу, новыя надежды, которыя открывались для Россіи въ рѣчи Государевой, характеръ Новосильцова, льстивые успѣхи, ознаменовавшіе мои первые шаги, все вмѣстѣ дало еще живѣйшее направленіе моему образу мыслей, преданныхъ началамъ законной свободы, началамъ конституціоннаго монархическаго правленія, которое я всегда почиталъ надежнѣйшимъ залогомъ благоденствія общаго и частнаго, надежнѣйшимъ кормиломъ царей и народовъ. Въ слѣдъ за этимъ порученъ мнѣ былъ переводъ на Русскій языкъ Польской хартіи и дополнительныхъ къ ней уставовъ образовательныхъ. Спустя нѣсколько времени, поручено было Новосильцову Государемъ Императоромъ составить проектъ конституціи для Россіи. Подъ его руководствомъ занялся этимъ дѣ-

ломъ бывшій при немъ Французскій юристъ Deschamps; переложене Французской редакціи на Русскую было возложено на меня. Когда дѣло подходило къ концу, Новосильцовъ объявилъ мнѣ, что пошлетъ меня съ окончательною работою къ Государю Императору въ Петербургъ и представитъ меня какъ одного изъ участниковъ въ редакціи, дабы Государь могъ въ случаѣ нужды потребовать отъ меня объясненій на проектъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передать мнѣ Высочайшія замѣчанія, для сообщенія ему, Новосильцову. Намѣреніе послать меня съ такимъ важнымъ порученіемъ огласилось въ нашей канцеляріи; въ ней имѣлъ я недоброжелателей: открылись происки; старались охладить Новосильцова къ возложенному на него дѣлу, ко мнѣ, къ отправленію моему въ Петербургъ. Дѣло, которое сначала кипѣло, стало остывать. Немало смѣялись надъ Прадтомъ, сказавшимъ, что Наполеонъ однажды вскричалъ: Un homme de moins, et tout m'était soumis. Cet homme, c'est moi! прибавляетъ Прадтъ. Пускай посмѣются и надо мною, но едва ли не въ правѣ я сказать: Не будь я въ канцеляріи Новосильцова и Россія имѣла бы конституцію!

Не помню когда, но проектъ, у насъ составленный, былъ поднесенъ Государю. Въ приѣздъ мой въ Петербургъ, въ лѣто 1819 года, имѣлъ я счастье быть у Государя Императора въ кабинетѣ его на Каменномъ островѣ. Велѣно мнѣ было приѣхать въ четыре часа послѣ обѣда, за письмомъ Н. Н. Новосильцову. Государь говорилъ со мною болѣе получаса. Сначала спрашивалъ онъ меня о Краковѣ, куда я незадолго предъ тѣмъ ѣздилъ, изъяснялъ и оправдывалъ свои виды въ разсужденіи Польши, національности, которую хотѣлъ сохранить въ ней, говоря, что мѣры, принятія Императрицею Еватериною при завоеваніи Польскихъ областей, были бы теперь несогласны съ духомъ времени; отъ политическаго образованія, даннаго Польшѣ, перешелъ Государь къ преобразованію политическому, которое готовить Россіи; сказалъ, что знаетъ участіе мое въ редакціи проекта Русской конституціи, что доволенъ нашимъ трудомъ, что привезетъ съ собою доставленные бумаги въ Варшаву и сообщитъ критическія свои замѣчанія Новосильцову, что на-

дѣется привести непременно это дѣло къ желаемому окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысль для него священную; что онъ знаетъ, сколько преобразование сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомысліе приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда, при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи, люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки истекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ.

Предоставляю судить, какими сѣменами должны были подобныя слова оплодотворить сердце, уже раскрытое въ политическимъ надеждамъ, которыя съ того времени освятились для меня самою державною властію. Здѣсь должно прибавить еще, что въ самый тотъ пріѣздъ мой въ Петербургъ былъ я соучастникомъ и подписчикомъ въ запискѣ, поданной Государю (по предварительному на то его соизволенію) отъ имени графа Воронцова, князя Меншикова и другихъ, въ которой всеподданнѣйше просили мы Его о позволеніи приступить теоретически и практически къ разсмотрѣнію и рѣшенію важнаго государственнаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Государь, говоря послѣ съ Карамзинымъ о томъ, что желаніе освобожденія крестьянъ раздѣлено многими благомыслящими помѣщиками, назвалъ ему въ числѣ другихъ и меня. Тутъ Карамзинъ и узналъ о поданной нами бумагѣ и о участіи моемъ въ ней, потому что мы обязались держать попытку нашу въ тайнѣ, пока не послѣдуетъ на нее рѣшительно Высочайшаго согласія. Генераль-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій эту бумагу и на другой день отказавшійся отъ своей подписи, вѣроятно былъ главнѣйшею причиною неудачи въ дѣлѣ, которое началось подъ счастливымъ знаменованіемъ.

Симъ кончается пора моихъ блестящихъ упованій. Вскорѣ послѣ того политическія событія, омрачившія горизонтъ Европы, набросили восвено тѣнь и на мой ограниченный горизонтъ. Государь пріѣхалъ въ Варшаву; открылъ второй сеймъ. Онъ уже не былъ празднествомъ для Польши, ни торжествомъ для

Государя. Разными мѣрами, нерасчетливою государственною пользою внушенными, привели Польскіе умы въ нѣкоторое раздраженіе, поселили недоувѣрчивость въ Государя. Поляками управлять легко, а особливо же Русскому царю. Они чувствуютъ свое безсиліе. Съ Поляками должно имѣть мягкость въ пріемахъ и твердость въ исполненіи. Они народъ нервическій, щекотливый, раздражительный.

Наполеонъ доказалъ, что легко ихъ заговаривать. Въ благодарность за нѣсколько политическихъ мадригаловъ, коими онъ ласкалъ ея самохвальное кокетство, Польша кидалась для него въ огонь и въ воду.

Благомыслящіе изъ Польскихъ либераловъ говорили мнѣ, что Поляки должны имѣть всегда на виду, что царь конституціонный въ Польскихъ преддверіяхъ, дома, въ Россіи императоръ самодержавный. Эта истина была слишкомъ очевидна и служила достаточно урокомъ и обезпеченіемъ. Какъ бы то ни было, но видно посредники между Государемъ и Польшею поступали ошибочно: вѣрно, ни Государь не хотѣлъ размолвки съ нею, ни, еще того вѣрнѣе, она не хотѣла размолвки съ Государемъ, — но между тѣмъ въ рѣчи Государевой, при закрытіи втораго сейма, размолвка огласилась и разнеслась съ высоты Престола по Европѣ, которая всегда радуется домашнимъ ссорамъ въ Россіи, какъ завистливые мелкопомѣстные дворяне радуются разстройству въ хозяйствѣ богатаго и могучаго сосѣда.

Я былъ любимъ, Поляками, въ числѣ немногихъ Русскихъ былъ принимаемъ въ ихъ дома на пріятельской ногѣ. Но ласки отличнѣйшихъ изъ нихъ покупалъ я не потворствомъ, не откровеніемъ національной гордости. Напротивъ, въ запросахъ, гдѣ отдѣлялась Русская польза отъ Польской, я всегда крѣпко стоялъ за первую и вынесъ не одинъ жаркій споръ по предмету восстановления старой Польши и отсѣченія отъ Россіи областей, запечатлѣнныхъ за нами кровью нашихъ отцовъ. Дѣло въ томъ, что, живя въ Польшѣ, не ржавѣлъ я въ запоздалыхъ воспоминаніяхъ о Полякахъ въ Кремлѣ и Русскихъ въ Прагѣ, а былъ посреди соплеменныхъ современниковъ съ умомъ и душою,

открытыми въ впечатлѣніямъ настоящей эпохи. Должно еще признаться, что мои короткія сношенія съ Поляками были тѣмъ болѣе на виду, что я былъ изъ числа весьма немногихъ Русскихъ въ Варшавѣ, съ которымъ образованные изъ Поляковъ могли имѣть какое нибудь сближеніе. Я всегда удивлялся равнодушію нашего правительства въ выборѣ людей на показъ передъ чужими. Безъ сомнѣнія надежнѣйшая порука наша есть дубинка Петра Великаго, которая выглядываетъ изъ-за головъ представителей и посредниковъ нашихъ у Европейской политики: могущество можетъ обойтись безъ дальнѣйшаго мудрствованія, но нравственное достоинство народа оскорбляется симъ отрѣченіемъ отъ народной гордости. Самая палица Алкида была принадлежностью полу-бога. Русская колонія въ Варшавѣ не была представительницею пословицы, что товаръ лицомъ продается. Въ числѣ Русскихъ чиновниковъ мало было лицъ оболъстительныхъ, и потому Польское общество не могло обрусѣть. Частныя лица не содѣйствовали мѣрамъ правительства и общежитіе не довершало дѣла, начатаго политикою. Эта разноголосица должна была имѣть пагубныя слѣдствія. Не знаю, отъ сей ли связи моей съ Поляками, или отъ другихъ причинъ, но судьба моя потускнѣла вмѣстѣ съ судьбою Польши. Государь въ это пребываніе въ Варшавѣ не удостоилъ меня ни разу своего личнаго вниманія, хотя и былъ я награжденъ чиномъ. На другой день отъѣзда Государя, призвалъ меня къ себѣ Новосильцовъ и сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вчера Государь, прощаясь со мною, спросилъ меня: не знаешь ли, что Вяземскій имѣетъ противъ меня? Онъ во все время пребыванія моего здѣсь отъ меня бѣгалъ, такъ что не удалось мнѣ сказать ему ни слова“. Не знаю, что отвѣчалъ Новосильцовъ, но я изъ Государева отзыва заключилъ, что я былъ обнесенъ Императору и что онъ, и не желая показать, что не дорожитъ мнѣніемъ, которое ему обо мнѣ внушили, ни вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбить и меня, можетъ быть напрасно, искалъ благопріятной уловки для соглашенія двухъ противорѣчій. Государь поѣхалъ на Тропавскій конгрессъ. И тутъ, если бы не канцелярскіе происки, то вѣроятно судьба моя впоследствии не поворотилась бы такъ круто. Служба въ Вар-

шавъ начинала быть очень не по мнѣ. Повѣривъ опытомъ преданіе, которому я прежде поработился суевѣрно, увидѣлъ я, что ни умъ, ни совѣсть мои не могутъ подчиниться начальнику, избранному мною. Графъ Каподистрія былъ ко мнѣ хорошо расположенъ. Я сталъ просить взять меня изъ канцеляріи Новосильцова, хотя на время конгресса. Понимая мое положеніе, онъ охотно согласился содѣйствовать моему желанію: говорилъ о томъ Новосильцову, но ходатайство его осталось безъ успѣха, вѣроятно по прежнимъ канцелярскимъ проискамъ. Съ Тропавскаго конгресса рѣшительно начинается новая эра въ умѣ Императора Александра и въ политикѣ Европы. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей; разумѣется, примѣръ его обратилъ многихъ. Я (хотя это мѣстоименіе тутъ и очень неумѣстно, но должно же употребить его, когда идетъ дѣло обо мнѣ) остался такимъ образомъ приверженцемъ мнѣнія уже не торжествующаго, а опальнаго. Не вхожу въ изслѣдованіе, полезно ли было сіе обращеніе, или превращеніе господствующихъ мнѣній, но, кажется, нельзя обвинять меня, что я по совѣсти своей не присталъ къ новому политическому изму. Нельзя не подчинить дѣлъ своихъ и поступковъ законной власти, но мнѣнія могутъ вопреки всѣмъ усиліямъ оставаться неприкосновенными. Русская пословица говоритъ: у каждаго свой царь въ головѣ. Эта пословица не либеральная, а просто человѣческая; какъ бы то ни было, но положеніе мое становилось со дня на день затруднительнѣе. Изъ рядовъ правительства очутился я, и не тронувшись съ мѣста, въ ряду противниковъ его: дѣло въ томъ, что правительство перешло на другую сторону. Въ такомъ положеніи всѣ слова мои (дѣйствій моихъ никакихъ не было), бывшія прежде въ общемъ согласіи съ господствующимъ голосомъ, начали уже отзываться дикимъ разногласіемъ: эта несообразность, несозвучность частная была большинствомъ голосовъ выдаваема за мятежничество. Съ одной стороны обнаруживались нетерпимость и гоненіе новаго обращенія; съ моей—признаюсь охотно—обнаруживался, можетъ быть, излишній фанатизмъ страдальчества за гонимое исповѣданіе. Письма мои, сія вѣрныя, а часто и предательскія зеркала моей внутренней жизни, отражали сто-

ряча впечатлѣнія, коими раздражала меня моя внѣшняя жизнь. Письма мои съ того времени находились подъ надзоромъ. Я узналъ послѣ, что нѣкоторыя мѣста изъ оныхъ были превратно, если не злоумышленно, перетолкованы. Часто многое въ нихъ оставалось и недоступно понятію тѣхъ, которымъ поручено было ихъ читать. Нѣтъ сомнѣнія, что Его Высочеству Великому Князю недосужно было читать всѣ мои письма, а изъ канцеляріи его, какъ военной, такъ и гражданской, рѣшительно не было ни одного довольно грамотнаго человѣка, который могъ бы понимать своевольный слогъ писемъ, накинутыхъ шутливо и бѣгло. Впрочемъ, о свойствѣ моихъ писемъ и вообще о степени ответственности, которую можно опредѣлить частной перепискѣ, буду подробнѣе говорить послѣ. Письма въ жизни другихъ — эпизодъ; у меня онѣ — исторія моей жизни. Я поѣхалъ въ Москву и тогда же, какъ узналъ послѣ, былъ, по предписанію изъ Варшавы, переданъ особому надзору полиціи. Тутъ вскорѣ поѣхалъ я въ Петербургъ обратнымъ путемъ въ Варшаву, гдѣ хотѣлъ, устроивъ свои денежные дѣла, подать просьбу въ отставку. Въ Петербургѣ, передъ самымъ отъѣздомъ, получилъ я письмо официальное, или полу-официальное на Французскомъ языкѣ и собственноручное отъ Н. Н. Новосильцова, объявляющее мнѣ гнѣвъ Государя Императора. На меня подали два обвиненія: первое, что до свѣдѣнія Государя, въ проѣздѣ его чрезъ Варшаву, доведено было, что въ разговорахъ моихъ я горячо защищалъ произносимыя въ Польшѣ мнѣнія Французскихъ депутатовъ, коимъ приписываются всѣ бѣдствія, постигшія Францію. Второе, что, выѣзжая изъ Варшавы, не явился я за приказаніями къ Его Высочеству Великому Князю. Въ заключеніе сказано было, что Государь Императоръ, желая, чтобы мнѣнія чиновниковъ, употребляемыхъ правительствомъ, не были въ противорѣчій съ нимъ и чтобы, съ другой стороны, не подавали они примѣра неуваженія къ особѣ Его Августѣйшаго брата, запрещаетъ мнѣ возвращаться въ Варшаву. Въ этихъ двухъ обвиненіяхъ оправдываюсь тѣмъ, что Франція не была тогда раздираема бѣдствіями революціи, что обѣ партіи, раздѣлившія и раздѣляющія понынѣ палату депутатовъ и самые

умы Франціи, входятъ неизбѣжно въ сущность стихій правленія, въ ней господствующаго; сіе тѣмъ доказывается, что часто король изъ среды нынѣшнихъ противниковъ министерства, и слѣдовательно правительства, избираетъ своихъ завтрашнихъ министровъ. По этому безкорыстнымъ пристрастіемъ къ талантамъ той или другой стороны въ тяжбѣ Французскихъ миѣній я никакъ не могъ видѣть Русское преступленіе. Впрочемъ, и самые разговоры мои о такихъ предметахъ не могли имѣть никакой политической важности: они возникали и умирали въ пріятельскихъ бесѣдахъ. Не знаю, какою таинственною силою воскресили мертвыхъ и поставили ихъ противъ меня обвинительными привидѣніями. Что же касается до другого обвиненія, то влянусь совѣстію, что нивакъ не полагалъ обязанностію явиться къ Его Высочеству Великому Князю, не зная, что это въ числѣ установленныхъ обыкновеній; напротивъ, полагая, что всѣ сношенія мои съ Его Высочествомъ существуютъ только въ силу Его милостиваго благорасположенія ко мнѣ, то, уже лишенный онаго и чуждый ему по роду службы моей, я даже и не имѣлъ права такъ-сказать насильственно поддерживать сіи сношенія, для него тогда уже негодныя. Письмо Новосильцова взволновало меня, хотя, отдавъ ему справедливость, и было оно умѣрено выраженіемъ сожалѣнія, что онъ лишается во мнѣ чиновника, котораго всегда уважалъ. Выше сказалъ я, что думалъ и прежде оставить Варшавскую службу, но мнѣ показалось, что могли поступить со мною иначе. Непріятный Великому Князю, конечно, я не могъ быть оставленъ въ Варшавѣ: Государь Императоръ не могъ колебаться въ чувствахъ и выборѣ; я долженъ былъ быть удаленъ, но не изгнанъ позорно, когда дѣти мои, и весь домъ и дѣла мои требовали моего присутствія въ Варшавѣ. Дождавшись возвращенія моего, Новосильцовъ объявилъ бы мнѣ о волѣ Государевой и дѣло обошлось бы безъ огласки. Сіе снисхожденіе ко мнѣ было бы тѣмъ естественнѣе, что по самому письму Новосильцова видно, что не имѣли достаточныхъ обвиненій противъ меня, или имѣли такія, въ которыхъ не хотѣли сознаться.

Въ первую минуту волненія написалъ я прошеніе на Вы-

сочайшее имя объ отставкѣ изъ званія камеръ-юнкера. Сей крутой и необыкновенный разрывъ со службою запечатлѣлъ въ глазахъ многихъ мое политическое своеволие. Карамзинъ былъ тогда въ Царскомъ Селѣ, Императоръ также. Я увѣдомилъ Карамзина о случившемся со мною, когда уже было подано мое прошеніе, и заклиналъ его объ одномъ: не ходатайствовать за меня при Государѣ. Съ свойственнымъ ему благородствомъ и нѣжнымъ участіемъ въ судьбѣ ближнихъ его сердцу, онъ просилъ у Государя не помилованія мнѣ, а объясненія въ непріятности меня постигнувшей. Письмо Новосильцова не казалось ему достаточнымъ и онъ подозрѣвалъ меня въ утаеніи отъ него вины болѣе положительной. Государь подтвердилъ съ нѣкоторыми развитіями то, что сказано было въ письмѣ, и прибавилъ, что, не смотря на то, могу снова вступить въ службу и просить, за исключеніемъ Варшавы, любое мѣсто, соотвѣтственное моему чину. Я упорствовалъ въ моемъ рѣшеніи, вопреки совѣтамъ и убѣжденіямъ Карамзина. Симъ кончилось мое служебное поприще и началось мое опальное. Вотъ во всей истинѣ мое Варшавское приключеніе, которое и нынѣ еще упоминается мнѣ въ укоризну и придаетъ какую-то бѣдственную извѣстность моему имени, когда друзья мои говорятъ въ мою пользу сановникамъ, знающимъ меня по одному слуху. Говорю только о существенности и оффиціальности моего приключенія, а впрочемъ до сей поры не знаю достовѣрно его привладныхъ подробностей, хотя въ подобныхъ дѣлахъ текстъ мало значителенъ и вся важность въ тайныхъ и обвинительныхъ комментаріяхъ. Могу по крайней мѣрѣ сказать рѣшительно, что въ поведеніи моемъ въ Варшавѣ не было ни одного поступка предосудительнаго чести моей, въ связяхъ моихъ ничего враждебнаго и возмутительнаго противъ правительства и начальства. Я поддержалъ тамъ съ честію имя Русскаго, и, прибавлю безъ самохвальства, общее уваженіе ко мнѣ и сожалѣніе, что меня удалили изъ Варшавы, показываютъ, что я не былъ достоинъ своей участи и что строгая мѣра, меня постигшая, была несправедливостью частная и ошибка политическая. Могу сослаться на письмо ко мнѣ князя Заіончева, котораго, кажется, нельзя по-

дозрѣвать въ погрѣшности либерализма. Я писалъ ему однажды изъ Москвы по дѣлу постороннему; онъ, отвѣчая на письмо мое, отзывался о моемъ пребываніи въ Варшавѣ и о сожалѣніи, что меня уже тамъ нѣтъ, отъ имени своего и согражданъ, въ выраженіяхъ самыхъ лестныхъ. Съ того времени я болѣе проживалъ въ Москвѣ и предался занятіямъ литературнымъ. Эпиграммы мои, критическіе разборы Русскихъ авторовъ и книгъ навлекли на меня недовольныхъ и недоброжелателей. Имя мое, оглашенное у правительства, показалось выгодною поживою людямъ, кои служатъ правительству, увѣряя его, что у него много противниковъ. Въ новое доказательство тому, упомяну о слѣдующемъ. Вскорѣ послѣ отставки моей, Государь, прогуливаясь по обыкновенію своему съ Н. М. Карамзинымъ въ Царскосельскомъ саду, сказалъ ему однимъ утромъ: „Вотъ вы заступались за князя Вяземскаго и ручались, что въ немъ нѣтъ никакой злобы: онъ на дняхъ написалъ ругательные стихи на правительство“. Карамзинъ, пораженный симъ извѣстіемъ, сказалъ, что спорить не смѣетъ, но, зная меня и мой характеръ, не можетъ повѣрить, чтобы я именно въ минуту оскорбленія и огласки сталъ изливать свое неудовольствіе въ пасквиляхъ. Государь обѣщавъ принести на другой день письменное доказательство и въ самомъ дѣлѣ показалъ Карамзину тщательно и красиво переписанные стихи, въ коихъ было выведено неизвѣстное ему сатирическое сравненіе Москвы съ Петербургомъ. По счастью, между прочими стихами, Карамзинъ встрѣтилъ такіе, которые отдѣльно были ему давно памятны. Онъ сказалъ о томъ Государю, — что же оказалось? Государю представили за новость стихи, написанные мною хѣтъ за десять и, слѣдовательно, шалость моей первой молодости. Карамзинъ доложилъ Государю, что въ тотъ же день дѣло объяснится, что онъ меня ждетъ изъ Петербурга къ обѣду, чтобы отпраздновать вмѣстѣ день моего рожденія, и спросить меня о стихахъ. Государь, по рѣдвой чертѣ добродушія и тонкой внимательности, просилъ Карамзина оставить дальнѣйшее изслѣдованіе и не разстроивать радости семейнаго свиданія непріятными впечатлѣніями. Промышляющіе моими политическими мнѣніями начали промыслять

и моею частною жизнію. Я знаю, что Государь, когда постороннія лица говорили ему обо мнѣ съ доброжелательствомъ, отзывался какъ о человѣкѣ не строгаго житія и нетрезвомъ. Я никогда не любилъ ни ханжить, ни шарлатанить своими мнѣніями и правами. Не почитаю себя въ правѣ оспаривать у кого бы то ни было награды цѣломудрія, но рѣшительно и гласно говорю, что и въ самыя молодыя лѣта мои не бывалъ я никогда распутнымъ и развратнымъ. Любя заниматься по утрамъ, любилъ я всегда поздно обѣдать; ранніе желудки нѣкоторыхъ Московскихъ бригадировъ, знавшихъ, что иногда встаю со стола часу въ седьмомъ вечера, люблю продолжать застольные разговоры за рюмкою вина, въ кругу пріятельскомъ, не могли переварить моихъ позднихъ обѣдовъ и они пошли за попойки. Впрочемъ, послѣ я также имѣлъ случай увѣриться, что Государь ко мнѣ былъ расположенъ благосклоннѣе. Убѣжденный людьми мнѣ близкими, просилъ я наконецъ у Государя черезъ Карамзина, въ случаѣ вакансіи, вице-губернаторское мѣсто въ Ревелѣ, который мнѣ полюбился въ лѣтнее мое пребываніе для морскихъ купаній. Государь обѣщалъ мнѣ это мѣсто, когда оно упразднится. Если же Государь продолжалъ и до конца быть обо мнѣ не совсѣмъ выгоднаго мнѣнія, то и это понимается. Послѣдніе годы его царствованія были годами недовѣрчивости и опасеній. Глухой ропотъ предвѣщаль, что волненіе зрѣло; подозрѣнія его не были опредѣлительны и могли падать на меня наравнѣ со многими другими, особенно же послѣ моей Варшавской огласки. Но и въ такомъ случаѣ долженъ я признаться съ благороднымъ уваженіемъ къ его памяти, что и подозрѣніе его было незлобное; съ ходатайства Карамзина далъ онъ немедленно Высочайшее соизволеніе свое на побужку имѣнія моего въ казенное вѣдомство, когда я просилъ о томъ для устройства дѣлъ своихъ, пришедшихъ въ упадокъ. Какъ бы то ни было и на какомъ замѣчаніи я у правительства ни находился, но я нисколько не былъ тревожимъ въ послѣдніе годы царствованія покойнаго Императора.

19-е ноября 1825 года отозвалось грозно въ смутахъ 14-го декабря. Сей день бѣдственный для Россіи и эпоха, кроваво

имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давнопрошедшихъ. Мое имя не вписалось въ его роковыя скрижали. Сколь ни прискорбно мнѣ было, какъ Русскому и челоуѣку, торжество невинности моей, купленное цѣною бѣдствія многихъ согражданъ и въ числѣ ихъ нѣкоторыхъ моихъ пріятелей, павшихъ жертвами сей эпохи, но, по крайней мѣрѣ, я могъ, когда отвращалъ вниманіе отъ участи ближнихъ, поздравить себя съ личнымъ очищеніемъ своимъ, совершеннымъ самыми событіями. Мнѣ казалось, что я, въ глазахъ правительства отъявленный крамольникъ, бывшій въ пріятельской связи съ нѣкоторыми изъ обвиненныхъ и оказавшійся совершенно чуждый соумышленія съ ними, выигралъ рѣшительно мою тяжбу. Скажу безъ уничиженія и безъ гордости: имя мое, характеръ мой, способности мои могли придать нѣкоторую цѣну моему завербованію въ ряды недовольныхъ, и отсутствіе мое между ними не могло быть дѣломъ случайнымъ, или отъ меня независимымъ. Но, по странному противорѣчію, предубѣжденіе противъ меня не ослабло и при очевидности истины; мнѣ извѣстно слѣдующее заключеніе обо мнѣ: отсутствіе имени его въ этомъ дѣлѣ доказываетъ только, что онъ былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ. Благодарю за высокое мнѣніе о моемъ умѣ, но не хочу на него промѣнять сердце и честь. Въ такихъ словахъ отзывается или неумышленность невѣдѣнія, или эхо замысловатой клеветы. Нѣтъ, знающіе меня скажутъ, что ни умъ мой, ни сердце мое не свойства разсчетливаго и промышленнаго; если я былъ бы хотя и сокрытымъ дѣйствующимъ лицомъ въ бѣдственномъ предпріятіи, то вѣрно былъ бы на лицо въ сотовариществѣ несчастія. Ни въ какомъ случаѣ меня не могли щадить: ни подсудимые, потому что они никого не пощадили, ни судіи, потому что не имѣлъ я въ нихъ ни одного доброжелателя. Кстати о характеристическихъ отзывахъ, обо мнѣ распускаемыхъ, припомню еще одинъ. Мнѣ извѣстно, что въ послѣдній пріѣздъ мой въ Петербургъ было донесено правительству слово, будто сказанное обо мнѣ Александромъ Пушкинымъ: вотъ пріѣхалъ мой демонъ! Это не сказано Пушкинымъ, или сказано да не такъ. Онъ не могъ придавать этимъ

словамъ ни политическій, ни нравственный смыслъ, а развѣ просто шуточный, если только и произнесъ ихъ. Онъ ни въ духѣ Пушкина, ни въ моемъ; по сердцу своему, онъ ни въ какомъ случаѣ не скажетъ предательскаго слова. По свойству ума, если и могъ бы онъ быть подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, то не хотѣлъ бы въ томъ сознаться. Я же ничьимъ, а еще менѣе Пушкинскимъ соблазнителемъ быть не могу. Въ мнѣніяхъ своихъ бывалъ я неумѣренъ и заносчивъ за себя, но вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай, старался всегда умѣрять невоздержность другихъ. Ссылаюсь на письма мои, которыя такъ часто бывали въ рукахъ правительства. Сюда идетъ также опроверженіе донесенія, или просто лживаго доноса, представленнаго нынѣшнему правительству о какомъ-то моемъ тайномъ, злонамѣренномъ участіи, или болѣе направленіи въ изданіи *Телеграфа*. Не стану входить въ изслѣдованіе: можетъ ли быть что нибудь тайное, злоумышленное въ литературномъ дѣйствіи, когда существуетъ цензура строгая, мнительная и щекотливая, какова наша; скажу просто: я печаталъ свои сочиненія стихами и прозою въ *Телеграфъ*, потому что по условію, заключенному на одинъ годъ съ его издателемъ, я хотѣлъ получить нѣсколько тысячъ рублей и такимъ оборотомъ замѣнить недоимки въ оброкѣ съ крестьянъ, наложеніемъ добровольной подати на публику. Въ этомъ отношеніи замѣчу, что правительство, стѣсняя мои литературныя занятія, лишаетъ меня такимъ образомъ общаго права пользоваться моею собственностью на законномъ основаніи. Такое нарушеніе справедливости безъ сомнѣнія не входитъ въ намѣренія правительства, но не менѣе того истекаетъ изъ мѣръ, имъ предпринимаемыхъ. Въ этихъ несправедливыхъ притязаніяхъ, какъ и въ послѣднемъ доносѣ на меня, также по поводу газеты мнѣ неизвѣстной, которую будто я готовился издавать подъ чужимъ именемъ, вижу одно гнусное безпокойство нѣкоторыхъ журналистовъ, коихъ позорная дѣятельность безчеститъ Русскую литературу и Русское общество. Они помнятъ мои прежнія эпиграммы, боятся новыхъ, боятся независимости моего прямодушія, когда предстоитъ мнѣ случай вывести на свѣжую воду ихъ глупость или безчест-

ность, боятся нѣкоторыхъ правъ моихъ на вниманіе читающей публики, совмѣстничества моего для нихъ опаснаго, и въ безсиліи своемъ состязаться со мною при свѣтѣ дня, на литературномъ поприщѣ, они подкапываются подъ меня во нравѣ, свойственномъ ихъ природнымъ дарованіямъ и нажитому ремеслу. Вотъ однако же тайныя пружины, которыя, такъ сказать безъ вѣдома правительства, настраиваютъ его гнѣвъ противъ гражданина, который, не смотря на неограниченную преданность сихъ мнимыхъ прислужниковъ, болѣе ихъ достоинъ снисходительнаго вниманія правительства. Не знаю—ихъ ли злоба, или злоба другихъ, но направленіе ея въ ударѣ, нанесенномъ мнѣ въ послѣднее время, вышло изъ мѣры. Въ сообщеніи по Высочайшему повелѣнію, доставленномъ отъ графа Толстого къ князю Голицыну въ Москву, по поводу газеты, о которой я не имѣлъ понятія, нанесены чести моей живѣйшія оскорбленія. *Никто безъ суда да не накажется*, а развѣ обезчещеніе не есть наказаніе, и тѣмъ тягостнѣе, когда оно не гласно. Гласная несправедливость носить въ себѣ предохранительное и удовлетворительное возмездіе, которымъ прикрываетъ жертву ей подпавшую; но полу-гласность, какъ ударъ незримаго врага, неизбежна и неотразима. Поносительное для меня отношеніе графа Толстого извѣстно во многихъ канцеляріяхъ. Злоупотребленіемъ имени моего наказали также издателя предполагаемой газеты, которому запретили ее издавать, думая, что онъ находится со мною въ какихъ-то сношеніяхъ, когда я ни лица, ни имени его не знаю. Развѣ такая оскорбительная полугласность не есть лютѣйшее наказаніе для человѣка, дорожащаго своимъ именемъ? Судебнымъ порядкомъ я не могъ подлежать наказанію: слѣдовательно, я былъ наказанъ безъ суда и безъ справедливости. И все это послѣдствіе отступленій отъ правосудія изъ какаго источника истекаетъ? Изъ корыстолюбія какихъ нибудь подлыхъ газетчиковъ, которые боятся, что новая газета отобьетъ у нихъ подписчиковъ. Правительство въ такомъ случаѣ поступаетъ и вопреки своимъ благонамѣреннымъ видамъ, нарушая общую справедливость лицепріятными исключеніями, и вопреки пользѣ просвѣщенія, стѣсная дѣятельность и совмѣстни-

чество умовъ. Что же касается до приговора, мнѣ изреченнаго, признаюсь—не знаю, до какой степени имѣютъ право позорить имя человѣка за поступки, не входящія въ число ни гражданскихъ, ни политическихъ преступленій. Заблужденія, въ которыхъ можно каяться духовному отцу, не подлежатъ расправѣ свѣтскихъ властей; но какъ бы то ни было, могу сказать рѣшительно, что ни въ какомъ отношеніи не заслуживаю выраженій, употребленныхъ графомъ Толстымъ. Развратная жизнь, недостойная образованнаго человѣка, предосудительность поведенія, которое можетъ служить въ соблазну другихъ молодыхъ людей, и вовлечь ихъ въ пороки, суть обвиненія такого рода, что примѣненные ко мнѣ они, безъ сомнѣнія, возбуждаютъ негодованіе каждаго частнаго человѣка, меня знающаго, и сожалѣніе, что правительство слишкомъ легко довѣряетъ выдумкамъ клеветы и основываетъ мнѣнія свои на подобныхъ показаніяхъ. Удивляюсь, какъ графъ Толстой, хотя и былъ бы въ этомъ случаѣ однимъ безусловнымъ исполнителемъ, могъ безъ всякой оговорки, безъ малѣйшей попытки облегченія подписать свое имя подъ такимъ поносительнымъ приговоромъ. Или нѣтъ въ немъ памяти, или долженъ онъ знать меня такимъ, какимъ зналъ въ долгое свое пребываніе въ Москвѣ. Онъ зналъ мои связи; смѣю сказать уваженіемъ, коимъ пользуюсь въ обществѣ, я обязанъ своему характеру, именно поведенію своему, нынѣ его же рукою опятненному, а не блеску почестей или богатства, часто замѣняющихъ въ глазахъ свѣта недостатокъ въ качествахъ не столь случайныхъ. — Правительство лучше моего знаетъ кто мои недоброжелатели и тайные враги; пускай велитъ оно изслѣдовать, кого могу назвать въ числѣ людей ко мнѣ благорасположенныхъ и друзей моихъ? И сею повѣрвою оно, надѣюсь, убѣдится, что имѣю полное право равно гордиться и неприязнью и дружбою, которыя я умѣлъ заслужить. Повторяю связанное мною въ письмѣ къ князю Голицыну, въ отвѣтъ на сообщенную мнѣ бумагу графа Толстого, я долженъ просить строжайшаго изслѣдованія поведенію своему. Повергаю жизнь мою на благоразсмотрѣніе Государя Императора, готовъ отвѣт-

ствовать въ каждомъ часѣ послѣдняго пребыванія моего въ Петербургѣ, столь неожиданно оклеветаннаго.

Нынѣ слышу уже, что обвиненіе меня въ развратной жизни устранено; говорятъ о какомъ-то письмѣ моемъ или сочиненіяхъ моихъ, попавшихся въ руки правительства и коихъ содержаніе должно мнѣ повредить. Обвиненіе съ обвиненіемъ различно. На обвиненіе въ порочности нравовъ моихъ и поведенія моего въ Петербургѣ прошу и суда и огражденія меня впередъ отъ подобной клеветы навазаніемъ клеветниковъ. Если обвиненіе падаетъ на какое нибудь мое сочиненіе, прошу обвиненія и потребованія меня къ отвѣту; если на мои частныя письма—прошу выслушать мое сознаніе и оправданіе. Возмутительныхъ сочиненій у меня на совѣсти нѣтъ. Въ двухъ такъ называемыхъ либеральныхъ стихотвореніяхъ моихъ: *Петербургъ* и *Негодование* отзывается вездѣ желаніе законной свободы монархической и нигдѣ нѣтъ оскорбленія державной власти. Первое кончилось воззваніемъ къ Императору Александру; писано оно было вскорѣ послѣ перваго Польскаго сейма и тогда гласнымъ образомъ ходило по Петербургу. Второе также писано было въ Варшавѣ; оно менѣе извѣстно. Я узналъ послѣ, что правительству донесено было о немъ; но не знаю, было ли оно доставлено. Если же ничего не прибавили въ нему отъ себя издатели-предатели, не *editori*, а *traditori*, то не опасаясь заключеній, въ которыхъ оно дастъ поводъ. Я написалъ его въ самую эпоху борьбы или перелома мнѣній, и, разумѣется, должно носить оно живой отпечатокъ мнѣній, которымъ я оставался преданъ и послѣ ихъ паденія. Въ разныя времена писалъ я эпиграммы, сатирическіе куплеты и на лица удостоенныя довѣренности правительства, но и въ нихъ не было ничего мятежнаго, а просто—свѣтскія насмѣшки. Такія произведенія не могутъ быть почитаемы за выраженіе цѣлой жизни и служить вывѣскою человѣка; они бѣглыя выраженія минуты, внезапнаго впечатлѣнія, и отпечатлѣніе ихъ на умы также есть минутное. Соглашаюсь, что въ глазахъ правительства они должны казаться предосудительными и нѣкоторымъ образомъ нарушаютъ согласіе, которое для общаго благоденствія должно господствовать

между правительствомъ и управляемыми; но въ этомъ отноше-
ніи прямодушное изслѣдованіе обязано разборчиво отдѣлать
проступокъ отъ преступленія, шалость игриваго ума отъ зло-
умышленія сердца, и не столько держаться буквы, сколько духа.
Теперь приступаю къ письмамъ моимъ, единственному обвини-
тельному факту въ тяжбѣ моей, который не могу опровергнуть
и въ которомъ долженъ прямодушно оправдываться. Письма
мои должны раздѣлиться на два разряда, согласно съ двумя
эпохами жизни моей: службы и отставки. Невоздержность пись-
менныхъ мнѣній моихъ во время службы непростительна. Та-
кого свойства оппозиція у насъ, гдѣ нѣтъ законной оппозиціи,
есть и несообразность и даже родъ предательства. Это похо-
дитъ на дѣйствіе сатира, который въ одно время дуетъ холо-
домъ и тепломъ: гласно служишь правительству, и слѣдовательно
даешься орудіемъ въ его руки, а подъ рукою, хотя и безъ
злоумышленія, дѣйствуешь противъ него. Въ случаяхъ проти-
ворѣчія кровныхъ мнѣній своихъ и задушевныхъ чувствъ съ
званіемъ и обязанностями, на себя принятыми, должно по воз-
можности принести правительству покорное сознаніе, или оста-
вить службу. Слѣдовательно, я въ этомъ отношеніи былъ вино-
ватъ: правительство, какими способами-бы ни было, поймало
меня *en flagrant délit* и я долженъ нести наказаніе вины моей.
Это не сомнительно въ глазахъ холоднаго, строгаго суда; но
есть справедливость, которая выше правосудія. Теперь для
правственнаго, добросовѣстнаго изслѣдованія предосудительно-
сти моихъ писемъ должно бы подвергнуть ихъ сполна не одно-
стороннему разсмотрѣнію, взвѣсить на вѣсахъ безпристрастія
тѣ мнѣнія и выраженія, которыя могутъ быть признаны за
обвинительныя, и тѣ, которыя могутъ быть ходатаями за меня,
судить о всей перепискѣ моей, какъ будутъ судить на страш-
номъ судѣ о всей жизни человѣка, а не такъ, какъ могла бы
судить инквизиція по отдѣльнымъ поступкамъ и словамъ, по
отрывкамъ жизни, составляющимъ въ насильственной сово-
купности уголовное дѣло, тогда какъ въ цѣломъ порочность
сихъ отрывковъ умѣряется предыдущими и послѣдующими.
Должно бы еще обратить вниманіе на время, въ которое пи-

саны были сіи письма, и можетъ быть волненіе въ нихъ, отзывающееся отголоскомъ тогдашней эпохи, отпечатокъ тогдашняго перелома и раздраженія нѣсколько оправдывается самою сущностью современныхъ событій. Въ другомъ отдѣленіи моей переписки важется предстоить мнѣ болѣе способовъ къ оправданію. Со времени моей отставки, не принадлежащій уже къ числу исполнителей мѣръ правительства, я полагаю, что могу свободнѣе и безотвѣтственнѣе судить о нихъ. Къ тому же, что есть частное письмо? Бесѣда съ глаза на глазъ, родъ тайной исповѣди, сокровенное изліяніе того, что тяготитъ умъ или сердце. Когда исповѣдь становится дѣломъ? Тогда, когда открываетъ умыслы, готовые въ исполненію. Но если исповѣдь ограничивается однѣми мыслями, одними впечатлѣніями, переходящими какъ и самыя событія, то можно ли искать поводовъ къ отвѣтственности въ сей исповѣди, такъ сказать не облеченной въ сущность? Должно еще смотрѣть на лица, къ кому письма надписаны. Если въ нихъ вывазывается намѣреніе дѣйствовать на эти лица, или черезъ нихъ на другіи и на общее мнѣніе, если они въ нѣкоторомъ отношеніи родъ поученій, разглашеній, то предосудительность оныхъ размѣряется цѣлью, на которую они мѣтять. Но если письма, хотя и содержанія неумѣреннаго, надписаны къ людямъ, коихъ лѣта, мнѣнія, положеніе въ обществѣ уже ограждаютъ отъ постороннаго вліянія, если они писаны къ близкимъ родственникамъ, къ женѣ, то всякое предположеніе въ злонамѣренности оныхъ не устраняется ли самою очевидностью? Одно нарушеніе тайны писемъ, писанныхъ не для гласности, составляетъ ихъ вину и опредѣляетъ мѣру ихъ отвѣтственности; но нарушеніе оныхъ совершается противъ воли писавшаго: какъ же можетъ онъ за нихъ отвѣтствовать? Въ такомъ случаѣ если допустить нарушеніе тайны, то должно добросовѣстно судить о перехваченныхъ письмахъ. Мои должны служить признаками прямодушной, хотя и неумѣстной откровенности, обнаруживать иногда игру ума, склоннаго къ насмѣшкѣ, иногда игру желчи или раздраженныхъ нервовъ, невинный свербежъ руки. Не заключить ли о нихъ о добросовѣстности моей, о довѣренности, которую заслуживаетъ

мой характеръ? Я знаю, что частныя письма бывають въ рукахъ у правительства, что мои чаще другихъ попадаютъ ему, что отъ переписки своей уже пострадалъ, а между тѣмъ продолжаю подавать орудіе на себя. Что жъ это доказываетъ? Совѣстное мое убѣжденіе, что въ письмахъ, каковы мои, нѣтъ преступленія, что, чистый въ побужденіяхъ своихъ, я не забочусь о истолкованіяхъ и превратныхъ заключеніяхъ, къ коимъ письма сіи могутъ подать поводъ. Это неосторожно, необдуманно, но не преступно. Главная предосудительность подобнаго поведенія заключается, во-первыхъ, въ томъ, что кажусь своевольнымъ и будто съ намѣреніемъ вызывающимъ на себя неудовольствіе правительства; во-вторыхъ, что не щажу произвольно лицъ, къ которымъ пишу и вообще своихъ пріятелей, на коихъ можетъ падать нѣкоторая отвѣтственность за связи ихъ со мною. Такія соображенія должны внушить невыгодное мнѣніе о неосновательности моей, о легкомысліи и вообще повредить достоинству характера, которое каждый благомыслящій человѣкъ обязанъ сохранять ненарушимо и свято. Сознаніе въ семъ отступленіи отъ обязанностей своихъ можетъ послужить залогомъ, что впередъ не буду ихъ преступать. Затворю въ себѣ окно, изъ котораго выглядывала невоздержность словъ моихъ въ наготѣ на соблазнъ прохожимъ. Что нѣтъ собственно порочной невоздержности въ дѣлахъ и побужденіяхъ моихъ, кажется, достаточно доказано всею исповѣдью моею, приносимою нынѣ въ видѣ показанія и оправданія. Въ свою защиту прибавлю еще одно замѣчаніе: въ изустной рѣчи болѣе непосредственнаго дѣйствія на вниманіе и кругъ дѣйствія обширнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что нашлось бы противъ меня столько же, если не болѣе, обличительныхъ ушей, сколько нашлось обличительныхъ глазъ; но, какъ мнѣ извѣстно, рѣчи мои не бывали обращаемы въ орудія на меня. Слѣдовательно, я не искалъ никогда славы быть проповѣдникомъ, разглашателемъ своихъ мнѣній, хотя и знаю, что каждое слово изустное имѣетъ тысячу эховъ, и между тѣмъ неуповимо, тогда какъ письменное слово дѣйствуетъ одновременно на одно лицо и воплощается только тогда, когда предательскою силою можетъ погубить васъ. Признаюсь однабоже: иногда

позволялъ я себѣ въ письмахъ моихъ и умышленную неосторожность. Въ припадкахъ патріотической желчи, при мѣрахъ правительства не согласныхъ, по моему мнѣнію, ни съ государственною пользою, ни съ достоинствомъ Русскаго народа; при назначеніи на важныя мѣста людей, которые не могли поддерживать возвышеннаго бремени, на нихъ возложеннаго, я часто съ намѣреніемъ передавалъ сторяча письмамъ моимъ животрепещущее соболѣзнованіе моего сердца; я писалъ часто въ надеждѣ, что правительство наше, лишенное независимыхъ органовъ общественнаго мнѣнія, узнаеть, чрезъ перехваченныя письма, что есть однакоже мнѣніе въ Россіи, что посреди глубокаго молчанія, господствующаго на равнинѣ нашего общежитія, есть голосъ безкорыстный, уворительный представитель мнѣнія общаго; признаюсь, мнѣ вазалось, что сей голосъ не долженъ пропадать, а, напротивъ, можетъ возбуждать чуткое вниманіе правительства. Пускай смѣются надъ симъ самоотверженіемъ, безплоднымъ для общей пользы, надъ симъ добровольнымъ мученичествомъ донкихотскаго патріотизма, но пускай также согласятся, что если оно не признавъ расчетливаго ума, то по крайней мѣрѣ оно несомнѣнное выраженіе чистой совѣсти и отврвеннаго прямодушія. Могу сказать утвердительно, что всѣ мнѣнія, самыя рѣзкія, были болѣе или менѣе отголосками общаго мнѣнія, или имѣли невыраженный, но не менѣе того въ существѣ своемъ гласный отголосокъ въ общемъ мнѣніи. Никогда, никакое чувство злобное, никакая мысль предательская, не омрачала моихъ поступковъ, хотя въ минуты досады, грустнаго разувѣренія въ своихъ надеждахъ, я могъ, по *авторской раздражительности*, выходить изъ границъ хладнокровія и должнаго благоразумія. Легко судить меня по письмамъ; но чѣмъ я виновать, что Богъ назначилъ меня быть грамотнымъ, что потребность сообщать, выдавать себя посредствомъ дара слова, или, правильнѣе, дара письменнаго, пала мнѣ на удѣлъ въ числѣ немногихъ изъ Русскихъ? Не мудрено, что тѣ, къ которымъ присталъ стихъ Пушкина (а у насъ ихъ много): *нигдѣ ни пятнышка чернилъ*, не замарали совѣсти своей чернильными пятнами и что мои тѣмъ болѣе на виду. Вѣрю, что отблески мыслей должны казаться

кометами въ общемъ затмѣніи Русской переписки, въ общемъ оцѣпенѣніи умственной дѣятельности; но не ужели равнодушіе есть добродѣтель, не ужели гробовое безстрастіе къ Россіи можетъ быть для правительства надежными союзниками? Гдѣ есть живое участіе, гдѣ есть любовь, тамъ должна быть и раздражительность. Мелкіе прислужники правительства, промышляющіе ловлею въ мутной водѣ, могутъ, подслушивая, ему передавать сплетни, отравляя ихъ ехидною примѣсью отъ себя, но правительство довольно сильно и должно быть довольно великодушно, чтобы сносить съ благодарностію, даже и несправедливыя укоризны, если онѣ внушены прямодушіемъ.

Кажется, симъ можетъ ограничиться моя исповѣдь. Я высказалъ себя всего. Теперь правительство пускай ищетъ меня здѣсь, а не въ невѣрныхъ и отрывочныхъ изображеніяхъ, донынѣ ему извѣстныхъ. Если я хотѣлъ бы написать просто оправданіе, адвокатскую защиту себя, то безъ сомнѣнія умѣлъ бы написать ее въ иномъ видѣ, съ искуснымъ единымъ направле-ніемъ къ цѣли: оправдать себя. Чувствую, что и здѣсь многое изъ сказаннаго мною можетъ подать поводъ къ подтвержденію заключеній обо мнѣ состоящихъ; но я сказалъ выше: я всегда имѣлъ неодолимое отвращеніе отъ шарлатанства; не хотѣлъ даже и невинно притворствоваться и въ этомъ случаѣ. Говоря о томъ, что было, изъясняя себя, я долженъ былъ переноситься въ мысли, которыя мнѣ были свойственны, а не искать въ риторическихъ уловкахъ противорѣчія самому себѣ, когда моя совѣсть не нуждается въ этомъ противорѣчій. Я хотѣлъ написать эту записку, какъ пишу свои письма, съ умомъ на просторѣ и съ сердцемъ на-голо. Въ ней такъ-сказать зеркало моей жизни, моихъ мнѣній, моей переписки, но зеркало полное, не разбитое, не искривленное злонамѣренностью и неприязнью. Надѣясь на безпристрастіе моихъ судей, прошу ихъ судить обо мнѣ, благопріятно или нѣтъ, по этому изображенію.

Еще одно слово: мое устраненіе отъ службы, бездѣйствіе въ пріисканіи случая быть принятымъ въ оную, послѣ попытки сдѣланной въ Петербургѣ и лестнаго отзыва, хотя и съ отказомъ на просьбу мою, сообщеннаго мнѣ генераломъ Бенкендор-

фомъ отъ Высочайшаго имени, могутъ навести подозрѣніе на искренности желанія моего быть совершенно очищеннымъ во мнѣніи правительства, ссылаюсь на тогдашнее письмо мое къ генералу Бенкендорфу: прося въ то время быть употребленнымъ при главной квартирѣ дѣйствующей арміи, или по другой части отдѣльной, входящей въ составъ предстоящихъ временныхъ дѣлъ, я былъ побужденъ не однимъ честолюбіемъ; нѣтъ, по лѣтамъ моимъ, семейнымъ обстоятельствамъ, ограниченности моего состоянія, я не свободенъ въ выборѣ службы. Штатныя мѣста доставляютъ малое жалованье, а служба, требующая постояннаго пребыванія въ городѣ, неминуемо вовлекаетъ въ новые расходы. Служба по одному изъ министерствъ вынудила бы меня переселиться съ семействомъ въ Петербургъ, и тутъ встрѣчается поминутное неудобство еще въ высшей степени. Въ мои лѣта, съ непривычкою къ практической службѣ, тяжело было бы привыкать къ ней, уединяясь въ какомъ нибудь губернскомъ городѣ. Такая школа въ нижнихъ классахъ могла бы скорѣе отучить отъ службы, чѣмъ пріохотить къ ней. Зная, на что я го- жусь и къ чему неспособенъ, могъ бы я по совѣсти принять мѣсто довѣренное, гдѣ употребленъ бы я былъ для редакціи, гдѣ было бы болѣе пищи для дѣятельности умственной, чѣмъ для чисто административной, или судебной. Когда-то сказалъ я себѣ: я думаю, мое дѣло не дѣйствіе, а ощущеніе. Меня должно держать какъ комнатный термометръ: онъ не можетъ ни нагрѣть, ни освѣжить покоя, но никто скорѣе и вѣрнѣе его не почувствуетъ настоящей температуры. Могу примѣнить это наблюденіе къ себѣ и къ службѣ моей. Я не желалъ бы по крайней мѣрѣ на первый разъ быть дѣйствующимъ лицомъ, по какой бы то ограниченной части ни было; желалъ бы просто быть лицомъ совѣтовательнымъ и указательнымъ, однимъ словомъ быть при человѣкѣ истинно государственномъ — родъ служеб- наго термометра, который могъ бы ощущать и сообщать. Могу отвѣчать за подвижность моей ртути: она не знала бы застоя. Вся бѣда моя въ томъ, что у меня ее слишкомъ много и что мой термометръ не привилегированный. Впрочемъ, для устра- ненія всякихъ подозрѣній, для изъявленія готовности моей со-

вершено очистить себя во мнѣніи правительства, я радъ принять всякое назначеніе по службѣ, которымъ оно меня удостоитъ.

Письмо къ М. Ѡ. Орлову *).

На-дняхъ крестьянинъ подаетъ мнѣ пакетъ изъ Подольскаго земскаго суда. Могъ ли я ожидать чего хорошаго, а это было твое письмо отъ 9-го сентября, мой милый Рейнъ. Отъ чего письмо шло такъ долго? Можетъ быть, перешло много рукъ, но Богъ съ ними! пускай видятъ, что у меня друзья остаются и по отставкѣ моей и что я отъ нея не худѣю.

Ты спрашиваешь, отчего я пошелъ въ отставку, и приводишь мнѣ въ примѣръ изгнанныхъ изъ Молдавской арміи. Но не сказано ли имъ было, что они изъ арміи удаляются для того, что главнокомандующій не можетъ ужиться съ ними? Въ такомъ случаѣ, они хорошо сдѣлали, что въ службѣ остались, ибо служили не Каменскому. И мнѣ, если было бы сказано, что я при Варшавскомъ мѣстѣ оставаться не могу, потому что не нравлюсь которому-нибудь изъ вышнихъ лицъ, которыя, разумѣется, нужнѣе меня правительству; то, повинувшись безъ ропота приказанію, уважилъ бы его справедливость и право. Но если удаленнымъ сказано было официально, что они неспособны къ полевой службѣ, что присутствіе ихъ въ арміи не только бесполезно, но и вредно, то, по моему, не хорошо они сдѣлали, что, воротившись съ носомъ, пошли совать его въ другія мѣста въ ожиданіи будущихъ щелчковъ.

Мнѣ объявлено, что мой образъ мыслей и поведенія противенъ духу правительства, и въ силу сего запрещаютъ мнѣ въѣздъ въ городъ, куда я добровольно просился на службу. Предлагая услуги свои въ другомъ мѣстѣ и тому же правительству, которое огла-

*) Письмо это, писанное княземъ Петромъ Андреевичемъ 10 ноября 1821 года, въ селѣ Остафьевѣ, имѣетъ тѣсную связь съ предыдущею статьею; оно извлечено изъ *Записной книжки 1821—1822 г. князя Вяземскаго*, куда внесено было рукою княгини Вѣры Ѡеодоровны Вяземской.

сило меня отступникомъ и почти противникомъ своимъ, даюсь нѣкоторымъ образомъ подъ росписку, что впередъ *не буду мыслить и поступать по старому.*

Служба отечеству, конечно, священное дѣло; но не надобно пускаться въ излишнія отвлеченности; между нами и отечествомъ есть *лица*, какъ между смертными и Богомъ папы и попы.—Вѣруй въ Бога и служи ему дома какъ хочешь; но при людяхъ у однихъ цѣлуй туфлю, а у другихъ руки, которыя иногда и туфли грязнѣе. Вотъ оправданіе. Теперь приступаю къ объясненіямъ и пополненіямъ. Я и до опалы хотѣлъ идти въ отставку, не умѣя ужиться не съ начальствами, а съ службою. Мнѣ и самому казалось неприличнымъ быть въ глубинѣ совѣсти своей въ открытой противоположности со всѣми дѣйствіями правительства; а съ другой стороны, унижительно быть хотя и ничтожнымъ орудіемъ его (то-есть не дѣлающимъ зла), но все-таки спицею въ колесѣ, которое, по моему, вертится на оборотъ. Я не рожденъ дѣйствовать самъ собою и умѣть приносить пользу личную въ общемъ безпорядкѣ. Я сравниваю себя съ термометромъ, который не даетъ ни холода, ни тепла, но живѣе и скорѣе всего чувствуетъ перемѣны въ атмосферѣ, и умѣетъ показывать вѣрно его измѣненія. При другихъ обстоятельствахъ, и я могъ быть бы полезенъ; но тамъ, гдѣ жарятъ или знобятъ на удачу, гдѣ никакимъ признакамъ не вѣрятъ, никакихъ указателей не требуютъ, тамъ я вещь лишняя и лучше мнѣ лежать заброшеннымъ въ углу, чѣмъ висѣть чинно на стѣнѣ и давать крови своей, подобно ртути, то опускающейся, то стремящейся вверхъ, поочередно кипѣть отъ негодованія, или остывать отъ унынія. Мое намѣреніе и прежнее было заглянуть къ себѣ въ деревню, устроить свои дѣла, а потомъ ѣхать въ чужіе края и прошататься, пока не стоскуется по домашнемъ хлѣбѣ, или обстоятельства не потребуютъ, чтобы каждый гражданинъ стоялъ на часахъ на своемъ мѣстѣ. Теперь живу въ Остафьевѣ съ семействомъ; на долго ли? не знаю. Во всякомъ случаѣ поѣдемъ въ Москву, въ генварѣ, мѣсяца на два; жена родитъ въ тому времени. Занимаюсь по просьбѣ одного Петербургскаго общества извѣстіемъ о жизни и

стихотвореніяхъ Дмитріева. Если ты былъ доволенъ моимъ Озернымъ, то надѣюсь, что еще будешь довольнѣе моимъ Дмитріевымъ. Я на просторѣ и на досугѣ развернулся, многого не договорилъ, на иное намекнулъ. Недѣли черезъ двѣ, кажется, долженъ отдѣлаться. А тамъ мнѣ самому хотѣлось бы себѣ для постоянной работы задать переводъ полезнаго сочиненія. На немъ сѣлъ бы я на годъ или на два и могъ бы еще наѣздничать по сторонамъ. Присовѣтуй мнѣ, какую перевести бы книгу. Можетъ быть, я и рѣшусь съ легкой твоей руки. Ты правъ, пора словесности нашей приняться за дѣло и бросить игрушки. Вотъ что говорю въ своемъ *Извѣстіи*: „желательно, чтобы данный имъ примѣръ (*въ Ермакѣ и Освобожденіи Москвы*)—почерпать вдохновеніе повѣстическое въ источникѣ исторіи народной, увлекъ за собою болѣе подражателей. Источникъ сей нынѣ разчищенъ рукою искусною и въ нѣдрахъ своихъ содержитъ все то, что можетъ вдохнуть жизнь истинную и возвышенную въ поэзію; пора вывести ее изъ тѣснаго круга общежительныхъ удовольствій и вознести на степень высокую, которую она занимала въ древности, когда поучала народы и воспламеняла ихъ къ мужеству и добродѣтелямъ государственнымъ“. M-me Staël говоритъ: *dans ses Dix années d'exil, que les auteurs russes ont composé jusqu'à ce tems du bout des lèvres*. Далѣе продолжаю, приведя это замѣчаніе: „постараемся избѣгнуть сего справедливаго упрека и пусть поэзія, мужая вмѣстѣ съ вѣкомъ, отстаеетъ отъ ребяческихъ игръ, украшающихъ цвѣтами ея продолжительное отрочество.“

— Это все хорошо желать, но въ исполненіи встрѣчается точка съ запятою, то-есть: Министерство Просвѣщенія и Тимковскій. Дай намъ не полную, но умѣренную свободу печатанія, сними съ мысли Алжирскія цѣпи—и въ годъ словесность наша преобразуется. Все, что плыветъ теперь на поверхности, поглотится пучиною, а сокровенное всплыветъ на воду. Ты не знаешь, до какой степени цензура наша давитъ все то, что не словарь, а подобіе мысли. Нѣкоторые примѣры ея строгости и нелѣпости уморили бы со смѣху Европу. Какъ посмотришь на то, что печаталось при Екатеринѣ, даже при Павлѣ, и то, что теперь вымарывается изъ сочиненій! У меня есть переводъ всей Польской

конституціи, хартіи и образовательныхъ уставовъ. Хочу испытать, допустятъ ли до печати. Такой переводъ могъ бы любопытенъ быть у насъ и со стороны занимательности политической и опыта языка нашего въ новомъ родѣ.—Ты о башмакахъ ни слова не говоришь; прикажи, что изъ нихъ дѣлать. Мнѣ рассказывали о тебѣ черту, которая меня восхитила. Я всего себя тутъ увидѣлъ. Въ самый день твоего пріѣзда послѣдняго въ Москву былъ ты въ театрѣ. Я и самъ добровольно не пропускаю въ городѣ ни одного представленія, *si peu présentables qu'elles soient*; а надо мною всѣ смѣются, и тѣ самые, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ за вистомъ. Они не понимаютъ, что театръ, какъ ни будь дурень, но все отдохновеніе образованное, европейское, а Англійскій клубъ, какъ ни будь въ немъ кислы щи и карты лучшаго разбора, заведеніе варварское и азіятское, если сѣзжаться въ немъ не для разговоровъ и общественныхъ преній, но только для того, чтобы прѣть за зеленымъ суеномъ, изъ удовольствія выиграть двадцать-пять рублей и убить нѣсколько часовъ въ дѣйствиіи механическомъ. Сдѣлай милость, не поддавайся глупымъ насмѣшкамъ, и если будешь въ Москвѣ, пріѣзжай прямо ко мнѣ въ театръ. Послѣ-завтра открывається Итальянскій театръ представленіемъ: *Il Turco in Italia*, музыка Россіи. Многіе увѣряютъ, что вообще труппа хороша, а нѣкоторые голоса превосходны; *Ratti* мнѣ ихъ очень хвалить. Если не головы Москвичей, то хорошо по крайней мѣрѣ уши ихъ воспитывать, да и уши то взрослые. Хоть будетъ та выгода, что разговоры не все вертѣтся будутъ на Петербургскихъ производствахъ и тузѣ самъ-пять и королѣ самъ-семь.
